

Венецианский еврей кроет русским матом

Антисемитский спектакль в Доме Мольера

«Известия» — 2002 — 5 мая — с. 1, 11.
 В самом престижном театре Парижа «Комеди Франсез» состоялись премьерные показы «Венецианского купца», которые нельзя охарактеризовать иначе как триумф откровенного антисемитизма. Геббельс бы аплодировал... Разумеется, в первую очередь вопросы к автору пьесы Вильяму Шекспиру. Но не все. Большая часть — к авторам траговки. Поставлен спектакль театральным режиссером с именем — румыном Андреем Шербаном. Его российский зритель помнит по «Вишневному саду». В роли Шейлока — польский актер Анджей Северин, которого тот же зритель мог видеть в фильмах Анджея Вайды.

Марк КУШНИРОВ

Вся оригинальность режиссерской трактовки — именно в этом: в карикатурно-злобной разрисовке еврейского типажа. Его еврейской алчности, циничности, притворной угодливости, патологической хитрости, палаческой жестокости и внешней безобразности.

«Еврей — наше несчастье!» — таков был один из самых популярных слоганов нацистской Германии, авторство которого приписывал себе Юлиус Штрайхер. До самого конца своей жизни — до виселицы в Нюрнберге — он называл себя первейшим антисемитом всех времен и народов и свою казнь назвал величайшим торжеством мирового еврейства.

С тех пор минуло без малого шестьдесят лет, и за этот срок Штрайхеру не раз приходилось превращаться в гробу. «Видя» поражения тех, кто разделял и

продолжал его «Деяния». Но случались в его загробном бытии и отрадные моменты. Когда он явственно «видел»: нет, дело его жизни продолжится! И более того — нередко торжествует!

Нет сомнений, что одно из последних таких торжеств — «Венецианский купец», спектакль знаменитого парижского театра «Комеди Франсез», часто именуемого «Домом Мольера».

Ах, как порадовался б Штрайхер, а заодно и Гитлер, оказавшись они зрительными этого действия, поставленного известным румынским режиссером Андреем Шербаном! Увидь они этого Шейлока в исполнении известного польского актера Анджея Северина! Какой великолепный унисон «знаменитому» юдофобскому фильму «Еврей Зюсс», заслужившему от Геббельса и Гитлера высочайшие похвалы и награды!

(Окончание на 11-й стр.)

Венецианский еврей кроет...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Многовато восклицательных знаков, по что делать? Зрелище действительно впечатляющее. Впрочем, впечатляющее только этим — и ничем другим.

Все иное в спектакле весьма дежурно. Довольно бесцветная сценография — робкая смесь абстракций и кича. Еще более невнятная костюмерия — тоже смесь, только более пестрая: пляжные бикини, расшитые шортики, деловые «тройки», старомодно-вульгарные «костюмчики», плиссированные пальто, розовые хламиды и так далее, и так далее. Остроумия в этой сумбурной, абсолютно произвольной помеси нет напрочь... Несколько гомосексуальных намеков — тоже, но нынешним временам, це бог весть какая невидаль... Игра актеров профессионально-посредственная... Вся «изюминка», повторяю, именно в нескрываемом юдофобстве.

...Возражать, что это все не имеет отношения к Шекспиру, было бы глупо. Антиеврейский акцент «Венецианского купца» слишком очевиден. При том что этот акцент, будем откровенны, самое выразительное, что есть в этой пьесе, — все любовная интрига сама по себе не лишена поэтического изыска (еще бы!), но весьма далека от вершинных шекспировских откровений — что трагических, что комических. Недаром шекспироведение столь немногословно комментирует эту лирическую линию. Иное дело — Шейлок и все его иудейско-ростовщические козни. Тут действительно пахнет шекспировскими страстями. И тут прогрессивное (без irony) шекспироведение всегда чуть-чуть занкалось — как оправдать гениального драматурга?!

Уже в XIX веке театр весьма осторожно брался за постановку «Венецианского купца» — именно из-за этого однозначно-грубого юдофобского акцента — и чем дальше, тем всё осторожнее. Как бы сознавая вредоносную возможность антихудожественной реакции зрителя — его одностороннего (чтоб не сказать низкопробного) одобрения или одностороннего же возмущения.

Это часто удавалось. Первым, кому удалось, был великий Эдмунд Кин, чей Шейлок вызывал едва ли не сочувствие здравомыслящей публики.

Разумеется, театр Третьего рейха (нацистский театр), часто ставивший «Венецианского купца», не задавался такими целями. Ему был по душе тот Шекспир, который видел в евреях лишь алчных и гнусных ростовщиков — и пикого окромя! — и потому, сославшись на великого драматурга, можно было позволить себе плебейское обобщение: все они такие!

Франко-румыно-польская постановка подхватывает эту версию. В этом *сегодня*, надо признать, действительно есть элемент смелости и оригинальности (нам Холокост не указ!)... Что только не делает на сцене Анджей Северин — Шейлок, дабы возбудить к себе патологическое отвращение. Одетый в элегантную «тройку», с кинкой на голове и неизменным калькулятором в руках, он ругается русским матом, он угрирует угловатый местечковый акцент, он бежит глазами и заходитесь словесным захлебом, он постоянно в рабленой озабоченности, он пускает слюны и мочится — правда, отвернувшись от зала, но зато долго и выразительно. Рыгая и отщипываясь, он с отвращением жрет мясо, одновременно тыча вилкой в живот Антонио, откуда ему предстоит вскорости вырезать возжеланный фунт человечины. Уже поняв свою промашку с векселем, он все равно (уже не по Шекспиру) вытаскивает с ножом к обнаженному торсу Антонио, кини-но параняет его тело, не в силах преодолеть природную кровожадность... Чтобы окончательно не осталось сомнений в мировых претензиях еврейского капитала, он звонит по телефону чуть ли не в Буэнос-Айресский шорен, интимно осведомляясь о принце Чарльзе, а немного спустя он и его сорочич Тубал, радостно потирая руки, листают... ну конечно же!... «Фай-н-и-и-и-и-и тайме».

Я вспоминаю перипетии создания пресловутого «Еврея Зюсса». Популярный Фердинанд Маризан не хотел играть *эту* роль, а когда был вынужден все-таки согласиться (приказ Геббельса), стал — как великий серьезный актер — пытаться избежать плоской карикатурности. Он умолял Геббельса, который требовал от исполнителей предельной внешней тошнотворности — крючковатых носов, уродливых ужимок и едкого беша в глазах: «Господин рейхсминистр, не превращайте меня в провинциального фи-

ларя!» И самое «смешное», что ему даже в этой пачкотне удалось отстоять для своего героя капельку обаяния. Родился казус: после выхода фильма на студию «УФА» стали приходить письма от зрителей. Причем мужские письма часто были преполнены наивного недоумения: «...вы хотели показать гнусного, подлого и коварного еврея — и это, безусловно, правильно, — но почему, почему наши проклятые бабы смеются по нему с ума?» (Тут и вправду не знаешь: смеяться или плакать?)

Уверен, что трактовка румынского режиссера и польского актера вполне удовлетворила бы «выскателный» вкус рейхсминистра народного просвещения. Их Шейлок положительно тошнотворен — что красноречиво подтверждается реакцией на него окружающих персонажей. Его толкают, его душат, его пинают ногами, в него плюют, его толкают, его освистывают и ставят на четвереньки, его труп (опять же не по Шекспиру) долго — до самого конца спектакля — валяется на сцене, как падаль. И это все мотивировано справедливым гневом, благородным возмущением всех прочих участников действия — бескорыстных, красивых и жизнерадостных людей.

В сознании не укладывается, что все это происходит в Париже в 2002 году! В стране полнокорректной Франции. Да еще в самом престижном драматическом театре. Оно конечно, у французской столицы, как у всякого большого города, множество лиц, а вернее сказать, гримас. Есть, как известно, и непристойные. Но та, что *скроил* «Комеди Франсез», имеет серьезные историко-политический подтекст и невольно заставляет вспомнить не самые дорогие страницы в прошлом этой прекрасной страны. И пресловутое «дело Дрейфуса», и одну из позорных страниц военного диктаторства, когда половина Франции и одновременно стала марионеточным государством — политическим, военным и духовным союзником фашистской Германии. В том числе и на попрание огромного антисемитизма.

«Венецианский купец» — шпуд усилий мастеров культуры Франции, Румынии и Польши вполне встроился в этот ряд. Получился вполне художественный антисемитский интернационал.

Ганновер — Париж

Иллюстрация к раритетному изданию «Венецианского купца»